

БРОНЗОВАЯ СОБАКА РАССКАЗЫ

Анна Щукина

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Анна Щукина
Бронзовая собака

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Щукина А. Ю.

Бронзовая собака / А. Ю. Щукина — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Почти невыдуманные истории, героиням которых за тридцать. Они в промежутке между замужествами. В прошлом – первый (но, явно, не последний) неудачный брак. Эта страница жизни уже перевернута, книга закрыта и сдана в архив воспоминаний. В настоящем – радости, огорчения, надежды и разочарования. Эта страница печатается прямо сейчас на клавиатуре событий и ситуаций. В будущем – мечты, планы и желания. Но чего же, по-настоящему, они желают? И сами толком не определились. Содержит нецензурную брань.

© Щукина А. Ю., 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Новая жизнь на старом месте	5
Братство вязаных оленей	11
Бронзовая собака	19
1. Кража	19
2. Метро	22
3. Выставка	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Новая жизнь на старом месте

Литвинов стоял у окна и смотрел сквозь давно немытое стекло. Там, на школьном дворе его дочь Дашка сосредоточенно натягивала невесть откуда взявшиеся ролики. Рядом с ней на корточках сидела одна из подружек, ещё несколько девчонок шныряли по школьному двору. Им было весело. Теплый сухой осенний день ронял на детей красно-рыжие с зелёными прожилками листья клёна, растущего у школьных ворот.

Словно кленовый листок, бесшумная и рыжая приблизилась к Литвинову Рита. Прижалась грудью к его спине, скрестила свои тонкие запястья на выпирающем животе мужчины. Хмыкнула. Литвинов, конечно, знал, что живот его не украшает. Но до настоящего момента знание это абсолютно его не беспокоило. Мало у кого из знакомых и сослуживцев Литвинова в сорок лет не было живота. Жена его живот уже не замечала. За прожитые совместно пятнадцать лет она научилась воспринимать мужа комплексно – и живот, и привычки, и характер, материальное положение, наконец – всё вместе. Было похоже, что эта совокупность жену вполне устраивала. То, что думали о его животе мимолётные подруги, Литвинова не интересовало – те женщины не искали в нём мужской привлекательности, их интересовали только деньги.

А теперь Литвинов постарался втянуть живот, ведь Рита – женщина особенная. Для неё до прошлой субботы он был восемнадцатилетним пацаном, гибким и сильным – мастером спорта по фехтованию – надеждой юношеской сборной Спартак Мособласть. Они расстались почти сразу по окончании школы и встретились снова меньше недели назад. Двадцать два года испарились, как по мановению волшебной палочки, а живот появился. И дочка девятилетняя – весёлая и смышленная модница Дашка – тоже появилась.

Рита поцеловала Литвинова в коротко стриженный пепельный затылок. Он резко повернулся, прижал вскрикнувшую от неожиданности Риту к своему втянутому животу. Подумал: « Вот уж кто мало изменился за минувшие годы». Её тело осталось и стройным, и гибким, и спорт она не бросила, хотя никакие спортивные надежды на неё тоже больше не возлагались. Его бывшая одноклассница – рыжеволосая и зеленоглазая Ритка – работала учителем физкультуры в школе.

– Рит, мне правда надо... при других обстоятельствах..., но там Дашка ждёт. Давай сходим куда-нибудь... потом? – тихо сказал Литвинов.

– Да, да, Игорь, я понимаю, – Рита посмотрела в окно. – Вот эта девочка, там, в голубом берете... я её где-то видела. Сейчас вспомню, где.

– Не напрягайся, не видела. Это Дашка моя, – ответил Литвинов.

Дашка уже встала на ролики, держась одной рукой за спинку лавочки, а другой за локоть подруги. Девочка была одета в голубое пальто колокольчиком с круглым воротничком, подвязанным синим бантом. Край плиссированной юбки в сине-зелёную клетку тонкой линией отделял голубизну подола от голубизны колготок. На голове, поверх прямых русых волос, красовался берет в тон пальто.

– Какая хорошенькая! Я точно её видела, в этом голубеньком всём, поэтому и запомнила. Слушай, она же на роликах катается, вот и пусть веселится. Можно не спешить. Давай всё же чаю выпьем, раз решили, а то как-то не до чая было, – улыбнулась Рита.

– Насколько я знаю, она кататься не умеет, – сказал Литвинов, надевая пиджак, что-то тревожное прилипло на дальней границе сознания. – Надо идти.

– Много ты знаешь, кто чего умеет, – усмехнулась Рита, застёгивая пуговицы на блузке.

– Ну, уж о дочери я всё, Слава Богу, знаю. Возраст пока не для тайн. Хорошая девчонка такая растёт, умная и активная очень. Но, знаешь, довольно послушная.

– Не то, что мой племянничек. Оболтус, если не сказать хуже, – вздохнула Рита.

– Это уж точно, – согласился Литвинов.

– Это, Игорёк, вина моя. Моя вина, что он такой, – тихо сказала Рита.

– Ради Бога, Рита, прекрати, не надо. Ты не виновата в том, что его родители погибли.

– Не надо меня успокаивать. Я знаю, в чём виновата. И ты знаешь, в чём я виновата. Это исправить нельзя. Я должна была как-то перетерпеть, не сдаваться. Взяла из детдома, а через полгода, – Рита вздохнула, – обратно привезла. Ему всего пять лет было, когда я... я его предала. Вот поэтому он такой и вырос. Витька мне всю душу тогда вынул из-за племянника. Получается, я его на Витьку променяла.

– Ага, шило на мыло, – вздохнул Литвинов, а сам подумал, что не одного только племянника на охламона Витьку променяла Рита.

– А тебе – огромное человеческое спасибо за то, что помог ему права вернуть. Очень меня выручил.

– Ладно, поблагодарила уже. Человеческое тебе пожалуйста. Но, Ритусь, ты ведь не из-за этого со мной теперь? – осторожно спросил Литвинов. Было бы очень противно, если бы это краткое страстное возвращение в юность оказалось просто формой оплаты за помощь, абсолютно с его стороны бескорыстную.

– Ты почему меня сейчас обидеть хочешь? Не надо так. Ты же знаешь, я не хотела, чтобы мы... Конечно, я тебя хотела, но я себе сказала, что нельзя. Видишь, как бывает, – тихо ответила Рита. – Мы предполагаем что-то, а вышло, что встретились и... Я и не думала, что здесь тебя встречу. Я же на пятнадцать минут заскочила бумаги отдать. Это случайно всё вышло, никакая благодарность тут ни при чём. И ты это знаешь.

Он знал. Ему очень хотелось верить, что он это знает.

В прошлую субботу Литвинов пришёл на вечер встреч одноклассников. За последние десять лет это была третья встреча совсем не дружного в школьные годы класса. Большинство одноклассников так и остались жить в родном подмосковном городе, некоторые перебрались в Москву, кое-кто обосновался за границей. Были и те, кто сгинул навсегда, не сумев преодолеть соблазны и опасности девяностых. Рита на предыдущих встречах не появлялась. О ней было известно то, что сразу после школы она вышла замуж за одноклассника Виктора и переехала в Москву. Потом её сестра с мужем и матерью погибли в аварии. С Виктором Рита разошлась, тот ненадолго вернулся в город, а потом снова уехал.

На встречу в прошлую субботу Рита пришла, хоть и опоздала. С румяными от спешки щеками – стремительная и задорная – она забежала в зал ресторана, когда все уже собрались. Она освободилась от плаща, и посмотрела на весёлую компанию сорокалетних одноклассников, испытал что-то вроде раздвоения сознания. Стоило ей узнать присутствующих, что было не сложно сделать даже после двадцати с лишним лет разлуки, и перед внутренним взором всплывали лица семнадцатилетних юношей и девушек. В то же самое время глаза безжалостно отображали совсем другую картину, порождая краткий диссонанс...

Потом все сидели за длинным столом. Много разговаривали, пили, бегали курить на улицу, выкрикивали тосты, танцевали под песни группы АББА в соседнем зале.

Уставшая, покрасневшая от танцев Рита вернулась к столу и под села к Литвинову. До этого момента они и парой слов не перекинулись. Рита была нарасхват.

– Ну как ты поживаешь? Девчонки говорят, что ты начальник в ГАИ, или как там теперь называется? Семья как? – спросила Рита, – Водички налей, запыхалась.

– В некотором роде начальник, – усмехнулся Литвинов, наливая воду. – Женат, дочь есть. Нормально всё, в основном. Ты как?

– А я с Витькой развелась, потом ещё кое с кем развелась. Детей нет. Племянник вот есть. Взрослый уже, двадцать лет. Теперь обратно приехала жить. Меня в шестую школу позвали, тренировать. Через понедельник приступаю, – отчиталась Рита.

– Здорово, у меня в шестой дочь учится. Хорошая школа.

– А давай, Игорек, за мою новую жизнь на старом месте выпьем, – предложила уже немного захмелевшая Рита.

Литвинов налил в её бокал вина, а сам взялся за стакан с водой.

– Не пью я, Ритусь. Завязал.

– А чего так? – спросила Рита.

– Были причины, – вздохнул Литвинов. – Весомые.

– Господи, Игорёк, я же тобой горжусь. Витька ведь, ну ты знаешь, наверное, так не смог завязать. А ты мой герой. Я не шучу, – Рита одобрительно и серьёзно покачала головой. – Ты мужик, Игорь. С этого дня я в тебя почти влюбилась.

– А я тебя давно люблю. Все эти годы... люблю, ты моя первая любовь, – серьёзно сказал Литвинов. Рита удивлённо посмотрела на него и замолчала. Навеселе была она, а язык, почему-то, развязался у него. Но он не смог не сказать, не смог удержаться. Она была так близко. Манил мандариновый запах её духов, разбуженный разгорячённым телом. Грудь под глубоким треугольным вырезом вздымалась в десятке сантиметров от его руки, рыжие волосы растрепались, а глаза блестели.

– Знаешь что, пойдём танцевать, – Литвинов вытащил Риту из-за стола и повёл в темноту, озаряемую вспышками цветомузыки. Эти яркие всполохи запутывали, сбивали с толку, уводили в призрачный мир звуков. Они танцевали под знакомую медленную мелодию. Оба молчали. Рита была обескуражена – как она умудрилась совсем не замечать чувства Игоря тогда, в юности? Она не то, что чувства, она и самого Игоря практически не замечала, с трудом сейчас его имя вспомнила. Слишком тогда была занята Витькой.

Литвинов прижимал её тело к своему и вдыхал запах её волос и духов. Ощущал, как её грудь уткнулась в его грудную клетку. Сквозь тонкую ткань рубашки он чувствовал, какая она разгорячённая. Он слышал, как часто она задышала, и заметил, как напряглась её ягодица под его ладонью. Она подняла на него блестящие глаза. Он принял её взгляд в свой. Они долго смотрели друг на друга, словно и не было этих двадцати двух лет, не было Витьки, не было семьи, не было других людей, глупых решений, бессмысленных действий и постыдных поступков. Потом он, сквозь волны запахов духов, вина, горячего тела и сожалений о несбывшемся, её поцеловал.

Музыка кончилась, они вернулись за стол. Выпили. Он – воду, она – вино.

– Что же ты молчал тогда, почему меня у Витьки не отнял, морду бы ему набил, что ли? И не было бы всего этого, – тихо проговорила Рита.

– Поехали отсюда, побудем вдвоём, – так же тихо предложил Литвинов, хотя где-то на дне сознания здравый смысл подсказывал ему, что лучше бы этого не делать, что не стоит прошлое ворошить.

Рита молчала. Она печально улыбалась пустому бокалу из-под вина, подперев правой рукой щеку.

– Было бы здорово, но знаешь, наверное, лучше не надо. Любовниц у тебя будет ещё много, даже жёны ещё могут быть, а первая любовь всегда единственная и другой не будет. И это я – твоя Первая любовь, – сказала, словно почесала за ушком свою гордость, Рита. – Пусть так и останется.

Домой она уехала одна на такси. Рита действительно была уверена, что всё отрезала. Очень гордилась собой, потому что не поддавалась на минутную слабость, потому что так красиво смогла сформулировать свой отказ, потому что не обидела хорошего человека. Вот как правильно начинается её новая жизнь на старом месте...

Они встретились в школе через несколько дней. Совершенно случайно. Она принесла какие-то бумаги в отдел кадров. Он привёз коробку, которую всучила ему жена – активистка родительского комитета. Потом он собирался отвести дочь в торговый центр, чтобы вместе выбрать жене подарок на День рождения. Обычно школьными делами дочери Литвинов не занимался, поэтому с непривычки перепутал время.

Он приехал на полчаса раньше, чем нужно было для того, чтобы забрать дочь. Но как раз вовремя, чтобы встретить Риту в школьном коридоре.

– Игорёк, привет, здорово, что я тебя встретила. Хотела тебя поблагодарить. У оболтуса права не забрали. Спасибо. А то он, бедный, извёлся весь и меня достал.

Литвинов промолчал, он выполнил просьбу Риты – не мог не выполнить. Через пару дней после Вечера встреч она позвонила. Просила за племянника дрожащим голосом, почти плакала. Племянник Риты был парень наглый. Ездил на купленной тётей в кредит машине грубо: хамил и постоянно превышал скорость. За это и должен был лишиться прав. Сам Литвинов понимал, что это было бы правильно и даже необходимо. Понимала это и Рита. Однако, не вытерпев истерик племянника – он без машины не может; электричка это «отстой»; он вообще на учёбу «забьёт», если у него машины не будет (и всё в том же духе) – Рита дрогнула и позвонила Игорю. Лишение заменили очередным штрафом.

– Ты за дочкой приехал? Что за коробка? – спросила Рита.

– Да там, для внеклассных занятий чего-то. Не знаю, это родительский комитет, жена просила сюда привезти. И Дашку забрать надо, но рановато приехал. А ты уже приступила?

– Нет, с понедельника выхожу.

– Слушай, мне тут завуч сказала коробку эту, и пакет вот ещё всучила, в какую-то комнату отдыха охраны или охраны отдыха, короче что-то в этом роде, отнести. Ключи вот дала. Ты знаешь, где эта комната? – спросил Литвинов.

– Примерно догадываюсь, меня уже со школой познакомили. Пойдем, поищем вместе, – предложила Рита.

Комната довольно быстро нашлась. В ней был диван, шкафы, пара стульев, какие-то плакаты на стенах, школьная парта с электрическим чайником и баночки с чаем и растворимым кофе. Литвинов пристроил коробку и пакет на стул.

– Хочешь, чайку попьём, пока ждёшь? Здесь всё есть, даже печенье, – предложила Рита.

– А что давай, времени-то полно. Подвезти тебя, когда Дашку заберу?

– Не надо. Сейчас, ну как сейчас... скоро, Оболтус с Галей приедут. Они и подвезут.

– Что деньги на бензин закончились? – не удержался Литвинов. Рита вздохнула. – Что за Галя?

– Подружка его, с детства знакомы. Хорошая девчонка, из приличной семьи. Она на него хорошо влияет, может за ум возьмётся? Пора уже, – сказала Рита. – Непонятно, что она в нём нашла?

– А что ты в Витьке нашла? Пойми вас баб.

Рита вздохнула, глядя сквозь окно на пустой школьный двор в красных пятнах от упавших кленовых листьев. Литвинов тоже подошёл к окну. В палисаднике копошились с чирьянцем воробьи, рядом на дорожке топтались голуби. Вдруг Игорь почувствовал, как Ритина голова с аккуратно забранными в хвост рыжими волосами уткнулась ему в плечо, а рука приобняла его за талию. Он стиснул кисть её другой руки и начал целовать запястье.

И вот теперь Литвинов снова стоял у окна, стараясь не думать о том, что произошло между ними. Он наблюдал, как его дочь, похожая на куклу из витрины дорого детского мага-

зина, делает неуклюжие шаги на чужих роликах. Эта картина рождала смутное беспокойство в его душе.

Вдруг Дашка, оттолкнувшись от плеча подружки, заскользила под уклон в сторону открытых ворот школьной ограды.

Девочка, неуверенно перебирая ногами, довольно быстро выкатилась из ворот и скрылась за стволом клёна и кустарником. Было очевидно, что её скорость должна возрасти ещё из-за наклона дороги. Справиться с ней она вряд ли сумеет.

Беспокойство переросло в испуг. У мужчины похолодело внутри, сердце сжалось, выпрыгнуло из груди и застучало в висках: «Какого чёрта открыты ворота?!»

Параллельно забору шёл проезд. Фактически, он располагался внутри территории двора соседнего жилого дома. Вёл он на небольшую парковку. Обычно никто быстро здесь не ездил, но... Забыв обо всём, Игорь одним прыжком выскочил из комнаты.

И тут Рита вспомнила. Вспомнила, где видела девочку в голубом пальто колокольчиком. Это было во сне. Станный сон приснился ей сразу после Вечера встреч одноклассников. Во сне не было ни четкости, ни определённости. Место действия и время смешались, подхваченные с палитры реальности кистью творца сновидений. Девочка в голубом и Ритин племянник (такой, каким он был тогда, когда Рита усыновила его, а потом от него отказалась), пятилетний забавный мальчишка, весело кружились взявшись за руки. Дети парили над ковром из кровавых кленовых листьев, который вдруг превратился в бешено вращающуюся воронку, начавшую затягивать ничего не подозревающих детей...

Рита вскочила с дивана и побежала за Игорем.

Резкий визг тормозов и крики перепуганных детей они услышали уже в коридоре школы. Потом был гулкий удар и ещё какой-то шум.

Игорь ни о чём думать не мог. Он был словно пуля, выпущенная, чтобы попасть в цель. Эта цель была там, где скрылась за деревом Дашка. Вне этой точки ничего сейчас не существовало.

Рита отстала от Игоря. Ей было очень страшно и очень жаль. Ей хотелось вернуть тот момент, когда она положила свою голову ему на плечо, хотелось вместо этого выпихнуть его из треклятой комнаты или вообще не встречать его в коридоре. Хотелось прийти в школу в другой день. Она же точно знала, что нельзя поддаваться соблазну, знала и не устояла!

Игорь выскочил через всё ещё открытые ворота. Он увидел перевёрнутый «Дастер» посередине проезда, колёса ещё крутились, из машины доносились крики. Вокруг стояли перепуганные дети. Побросав свои тачки с листьями, к машине бежали уборщики. Дашка!!!

Дашка сидела метрах в трёх от машины на газоне. Она не плакала, она смотрела, вытаращив глаза, её была крупная дрожь. Колготки порвались, пальто было в грязи. Но главное... главное... Дашка была жива. Она совсем не пострадала, только испугалась. Игорь схватил дочь в охапку, поднял. Потом, не имея сил стоять на подкашивающихся ногах, сел прямо на пожухлую траву, покрытую красными листьями. Посадил ребёнка себе на колени и, обхватив обеими руками, крепко прижал.

Рита подбежала к машине. «Дастер» врезался в угол тепловыделителя, находившегося левее школьных ворот, на противоположной стороне проезда, и перевернулся. Там дальше по ходу движения была только парковка и больше ничего. Никто в здравом уме не стал бы нестись здесь, мимо школы, с такой скоростью. Никто, кроме племянника Риты. Это и был он.

Рита схватилась за пассажирскую дверь. Из салона автомобиля доносились крики Галя. Дверь не поддавалась. Рита потянула за ручку, что есть силы, упираясь в асфальт ногами. Ей удалось отвоевать сантиметров пять. В образовавшуюся щель Рита закричала, чтобы Галя не дёргалась, что ей сейчас помогут.

– Рита, Риточка, это... это не он, это я руль выкрутила, когда девочку увидела, и мы врезались. Вы Лёшку не ругайте, он не виноват. Это не он, а я..., – скулила внутри салона машины Галя, – я папе скажу, он отремонтирует. Лёшку не ругайте, пожалуйста.

– Галь помолчи. Ничего у тебя не болит? Руки, ноги чувствуешь? Кровь идёт?

– Я отстегнуться не могу. Болит затылок, крови нету, – сказала Галя, – Лёшка, как он? Он молчит.

Рита обежала машину, рухнула на колени и стала всматриваться в стекло водительской двери. Лёша лежал внизу, положение его головы показалось Рите неестественным, парень не двигался и не стонал. Ремнём безопасности он обычно не пристёгивался.

– Маргарита Алексеевна, мы понимаем вашу ситуацию, – со вздохом сказала пожилая директриса школы, покачивая головой. – Когда уходят молодые, с этим сложно смириться, но...

Рита, не отводя глаз от букета из красных кленовых листьев, стоявшего в прозрачной вазе на огромном столе директрисы, отрывисто кивнула. Выглядела Рита плохо – лицо опухло от слёз, волосы утратили свой солнечный оттенок и пожухли, как скошенная трава, одета она была в мятый спортивный костюм. Директриса подумала, что могла бы и не узнать её, если бы вдруг встретила на улице, так сильно Маргарита Алексеевна изменилась, а ведь со смерти её племянника прошло лишь два дня.

– Послушайте, не надо так сразу всё рвать. Увольняться. Вас нам рекомендовали, вы наша землячка. Мы следили за вашими успехами в спорте, – директрисе очень хотелось подбодрить Риту. Её такое явное страдание вызывало сочувствие.

– Мы дадим вам время прийти в себя. Две недели или даже месяц, – продолжала директриса. – Понимаем, что он был вам, как сын. Но это судьба. Несчастный случай. Никто не виноват. Школа даже может помочь вам с похоронами.

– Не надо, я похороню его сама. Не здесь, – тихо сказала Рита, прикусив нижнюю губу. – Виновата я.

– Да что же вы говорите такое!?! – всплеснула руками директриса. – Это стечение обстоятельств, и только...

– Это из-за меня, – упрямо повторила Рита, подняла красные опухшие от слёз глаза на директрису. – Я ошиблась. Мне не стоило, – Рита на секунду задумалась, – возвращаться.

Директриса нехотя поставила подпись на бумаге и протянула белый листок, ставший теперь документом, Рите. Строчки расплывались перед её остановившимся взглядом. Пульсирующий белизной лист показался Рите флагом капитуляции – она проиграла бой за свою новую жизнь на старом месте. Проиграв его, должна была отступить – возвратиться навсегда в прежнюю, когда-то надоевшую, а теперь ставшую её единственным прибежищем, жизнь. Должна была полностью выплатить судьбе контрибуцию за допущенные ошибки.

Братство вязаных оленей

Едва только Борис шагнул из лифта в просторный коридор, он услышал крики и шум, доносящиеся из-за двери, в которую он собирался зайти.

– Опять этот прыщ французский буянит.

Борис надавил на ручку двери, та, вопреки обыкновению, не открылась. Пришлось постучать. Защёлкал замок под пальчиками молоденькой секретарши Леночки, вопли из приёмной переместились в кабинет со стеклянной, но непрозрачной дверью. Громкость звука она практически не снижала, однако увидеть, что происходит внутри, сквозь неё было нельзя.

– Привет, Елена Премудрая, чего заперлись-то, этот к рукоприкладству перешёл что ли? – Борис махнул головой в сторону стеклянной двери.

– Ага, точно, перешёл. Степлером в стенку. У него неприязнь какая-то к ним. Как схватит степлер и сразу в стенку. Там видишь черточки в углу, это всё от них, от степлеров, – ответила Леночка, помахивая рукой с растопыренными пальцами, на них сверкал свеженанесенный лак. – Башка от его воплей уже раскалывается. Скорей бы в свой Пари-и-и обратно свалил. Но до Нового года нам от него не отделаться. А потом они со Светланой Аркадьевной уезжают какие-то новые фабрики смотреть.

– А чего он орёт-то?

– Документов что ли не хватает каких-то. Я не знаю, он на Светлану Аркадьевну орёт. Он когда орёт, я его французский не понимаю. Да и не желаю понимать, мне не за то платят, чтобы я его психоз выслушивала. И платят, вообще-то, копейки, – заявила Леночка, продолжая дуть на ещё не высохший лак на ногтях.

– А за что тебе платят, солнышко? – поинтересовался Борис с ехидной улыбкой.

– Ну, на звонки отвечаю, бумажки вон... копошу, – тут до неё дошёл смысл его улыбочки. – Данутебя! Нужен мне этот плейшнер? Он, вообще, не по женской части, по-моему, – девушка скривила пухлые губы, накрашенные розовой помадой.

– А цветочки-то шикарные принёс, – Борис кивнул в сторону вазы с букетом алых роз на большом овальном столе для переговоров в центре помещения. – А говоришь начальник плохой.

– Я не говорю, что Николая плохой, я говорю, что он психованный. Он мне, кстати, не начальник, а начальник у меня Светлана Аркадьевна, – пояснила Леночка, одернув леопардовой расцветки кофточку с глубоким декольте, отороченным чёрным кружевом. – Пришел, положил тут цветочки эти и давай орать. Слова спокойно не сказал. Сказал, вообще-то... только я не поняла что. А он как пошёл орать, так и не затыкается.

– Как это ты не поняла, а французский твой? Ты же, вроде, в «совершенстве»? – уточнил Борис.

– Не надо намёков, у Николая просто произношение какое-то нечёткое. Он слова плохо выговаривает, – насупилась Леночка.

– А это, солнышко, потому что он француз, – с серьёзным видом сообщил Борис.

– Данутебя! А ты чего пришёл-то? – спросила Леночка.

Борис был давним и проверенным клиентом. Он начал работать с представительством французских марок одежды, ещё до того как в нём появились и Леночка, и сам нервный Николая.

– К Светлане вопрос имею. А этот закругляться, по-моему, не собирается? Глотка, блин, лужённая. Знаешь что, пойду-ка поздороваюсь с ним, – сказал Борис.

Он резко открыл стеклянную дверь в кабинет. Посередине комнаты возвышался элегантно одетый, но встрёпанный, словно с похмелья, француз. Ему было за сорок, вокруг пока ещё неочевидной лысины вились, спускаясь на плечи, длинные пряди чёрных с проседью

волос. Увидев Бориса, француз прикрыл свой распахнутый рот и аккуратно поставил красный степлер на ближайший стол.

– Привет, извиняюсь, что производственный процесс прерываю, – поздоровался Борис.

– Бон жур. Ко мне со ва? – француз озарился застенчивой полуулыбкой.

– Сова, сова. Светлана Аркадьевна, а степлеров у вас ещё много осталось?

– Это наш клиент Борис. Помнишь, Николая, мы на прошлой неделе у него в магазине были. Он интересуется как твои дела? – Светлана – симпатичная невысокая брюнетка с короткой стрижкой – вольно перевела слова Бориса французам.

– О! Ко-ро-шоу! – ответил Николай, и поднял вверх большой палец, продолжая застенчиво улыбаться.

Полгода назад Николай приобрёл это московское представительство со всем его содержимым у парижских друзей за условный один франк. Тридцатипятилетнюю Светлану – директора представительства – наняли прежние хозяева, а двух эффектных длинноногих блондинок Леночку и Оксану выбрал он сам, проведя пару десятков бестолковых собеседований.

До этого француз пытался наладить бизнес по продаже дамского нижнего белья в Питере. Бизнес почти сразу не задался. Но всё же успел научить французам ни при каких обстоятельствах не орать на коренастых коротко стриженных мужчин в кожаной одежде. А именно так и выглядел сегодня Борис. Француз продолжал стоять, держа большой палец вверх и блаженно улыбаясь.

– Борис, улыбнись хоть. Ты его пугаешь. У него и так нервный тик. Он реально боится, что эти из Питра сюда припрутся за ним. Полчемодана транквилизаторов носит и горстями ест, – сказала Светлана.

– Не сильно его успокаивают транквилизаторы эти. Может, я помогу ему успокоиться? – предложил Борис, и внимательно посмотрел на Николая.

– Не прав ты, Борис. С нами действительно с ума сойти можно, – вздохнула Светлана и подобрала с пола ближайший от неё степлер, Борис наклонился за ещё одним.

Стоило им отвлечься, как француз совершенно беззвучно выскользнул из комнаты. От входной двери донеслось застенчивое «А ревуар», и дверь хлопнула.

– Ну вот, слился, как всегда.

Выпроводив нервного Николая, кампания расположилась за овальным столом пить кофе из французской кофемашины.

– Свет, а зачем ты его вообще терпишь?

– Ты же знаешь, ему Франсуа представительство это продал, с условием, что он будет их марками торговать, и если хочет, другими тоже. Меня попросил остаться пока, помочь Николая. На самом деле, я сама уходить не хочу. Мне нравится. А то, что он орёт, меня не задевает. Слышал бы ты как мой бывший орал, причём и по делу и без. Я привыкла. А этот хоть по делу орёт... преимущественно. А ты зачем приехал?

– Мои там брак нашли... вот эти вот рубашки, – Борис выложил пакет на стол. – Рукав перекручен что ли, ты сама посмотри, – ответил Борис.

– Оставь, я разберусь. Ты первый принёс. Сейчас, наверное, все потащат, – вздохнула Светлана.

– Дорогая Светланочка Аркадьевна, отпустите меня пораньше сегодня, всё равно никого не будет. Новый год на носу все подарки ищут, – заморгала фальшивыми ресницами Леночка, – ну, пожалуйста, пожалуйста.

– И когда уйти хочешь? – уточнила Светлана.

– А прям сейчас, можно? Мы там с подружкой в кино решили, и подарки всем посмотреть надо.

– Что за фильм? – уточнил Борис.

– Да там про любовь что-то, я не помню, как называется. Разницы-то нету. Знаете! Рекламу тут одну видела, там про Титаник фильм. Красотища, с Дикаприом, такой он клёвый. Его бы я посмотрела. Но фильм только после Нового года выходит. Ну, я побежала, ладненько? – задорно прочитала Леночка.

Светлана обречённо махнула головой. Леночка впрыгнула в шубу, послала всем воздушный поцелуй, и выпорхнула из двери.

– Слушай, а зачем тебе эти трешотки нужны? Эта уже смылась. А второй, как её... Оксана, вообще почти никогда нет. Этот прыщ, что ли с ними развлекается? – спросил Роман.

– Вряд ли. Он, по-моему, женщинами не очень... Мне неприятно, когда ты его «прыщ» называешь. На самом деле, он неплохой. Он просто трусливый. Понять не могу, зачем он вообще в Россию припёрся? Он у нас неуместен, как баобаба на Колыме, – вздохнула Светлана. – Нам сотрудники нужны были. Мы расширяемся и всё такое. Выбрал вот этих двух. Почему? Не понимаю я. Ленка по-французски только молчать умеет с недовольной рожей. Но ей скажешь, что сделать нужно, а лучше написать, и она сделает. Пусть и с недовольной рожей, но сделает. А Оксана... это вообще отдельная песня. Язык она хорошо знает. Проблема в том, что ей этим языком выражать нечего. Мыслей в башке вообще нету, точнее нету тех, которые стоило бы выражать словами, тем более на иностранном языке. Зато самомнение.

– Так это же вещи связанные, если сомневаться нечем, оно и не страдает, – заметил Борис.

– Он мне говорит: увольняй их, они не годятся, а ты директор. Сам увольнять не хочет, трусит. А я просто не могу, не м-о-г-у. Ну, вот как? Они же надеются, он сам им наобещал горы золотые. А я сразу говорила, что не надо их брать, а тем более без испытательного срока. Он тогда упёрся как баран: они и всё тут. А теперь... даже не могу представить, как я их уволю. Вот ты как людей увольняешь?

– Регулярно. У меня там, в офисе, бабы такие работают серьёзные. Обоим под пятьдесят. Ты их видела. Так вот, они мне говорят эта не то делает, у этой не получается или в этом роде. Я им говорю, ну как знаете, вам, типа, виднее. Через пару дней эти, которые не то делают, ко мне «по собственному желанию» несут. А так чтобы сам... ну, было. Но там, знаешь, залёты такие бывали. Пару раз даже морды приходилось бить, но это давно уже было. Бизнес был другой. Я, лично, проблемы не вижу. Вызываешь в кабинет и увольняешь.

– А я вижу проблему. Я в жизни своей никого не увольняла. Я переводчиком всю жизнь работала. Я хороший переводчик, у меня это всегда получалось. Меня саму нанимали, меня саму увольняли. Последний раз – фирма закрылась. Франсуа вот эту работу предложил. Мне эта работа нравится, больше, чем переводчиком бегать. Но увольнения эти, – грустно проговорила Светлана и пошла к кофемашине.

Дверь распахнулась. В комнату вплыла, словно белая лебедь из народных песен, Оксана. Не теряя величия, повесила в шкаф верхнюю одежду. Обвела гордым взглядом комнату.

– Здравствуйте, – вымолвила девушка.

– Прямо к ручке припасть захотелось. Здравствуйте, Оксана. Вы озарили наш день, – сообщил ей Борис. Оксана величественно улыбнулась.

– Я кофе не буду. Кофеин очень вреден. Вы знаете? Извините, я забыла как ваше имя, – Оксана с прямой спиной, изящно опустилась на стул.

– Действительно, чего запоминать-то? Всего-то раз десять – двадцать виделись. Пойду я себе ещё чашку вреда напузырю.

– Привет, – Светлана вернулась к столу. – Объясни мне, где отчёт по инвентаризации, который Николая так хотел, что ни одного степлера в офисе не осталось, – спросила девушку Светлана.

– Согласитесь, Светлана Аркадьевна, что вот эта ситуация со степлерами, это не здоровая практика?

– А рабочие обязанности не выполнять это практика здоровая, по-твоему?

– Если вы намекаете на то, что я их не выполняю, то это истине совершенно не соответствует. Никакая инвентаризация в мои обязанности не входит, – спокойным тоном ответила Оксана.

– Да что ты! А разве я тебе не поручала? Разве ты не пообещала, что сделаешь? И уже три дня назад закончить должна была? – спросила Светлана.

– Да, это так. Но вы, Светлана Аркадьевна, на меня давили. А на мусью Николая я бы вообще в суд подала, если бы мы во Франции были. Он создаёт мне невыносимую обстановку и оскорбляет моё человеческое достоинство.

– Когда же он тебе успевает невыносимую обстановку создавать? Тебя же по полдня в офисе не бывает. Ты куда ни поедешь что-нибудь отвезти, тебя же не дожدهшься. Это же просто пропавшая экспедиция каждый раз, – сказала Светлана.

– Не я виновата, что вся Москва в пробках стоит. Куда ни поедешь, везде пробки. У меня, между прочим, совсем личного времени не остаётся с этой работой. У меня загранпаспорт уже несколько дней готов, а я его забрать не могу. Я постоянно бумаги вожу, с клиентами встречаюсь. Я считаю, что для такой заработной платы, я очень много работаю. Вот я сейчас в этот новый торговый центр в центре заезжала, каталоги отвозила. Я из дома, между прочим, в семь утра выехала.

– Детка, а живёшь ты где, в Калуге? – спросил Борис, вернувшись к овальному столу с новой чашкой кофе.

– Я, к вашему сведению, как вас... Борис, коренная москвичка. Я в Сокольниках живу, – гордо тряхнула Оксана завитками платиновых волос.

– Так пешком бы быстрее обернулась, – предположил Борис.

– Оксана ни пешком, ни на общественном транспорте не может. У неё нервная система очень чувствительная, – пояснила Светлана. – Послушай, Оксана, но я же тебе говорила, что инвентаризация важнее всего. Этот торговый центр только после Нового года откроется, зачем им эти каталоги сейчас?

– Светлана Аркадьевна, инвентаризацией должны кладовщики заниматься, а кладовщики в свою очередь на складе работают. А у нас склада нет. У нас комната, где остатки старых коллекций хранятся. По этим коллекциям все заказы уже сделаны. Они своё отработали. Значит, их надо просто списать и всё. Это же очевидно, что никакой инвентаризации делать не надо. Потому что это просто глупо, считать то, что можно просто списать, – снисходительно объяснила Оксана.

– Как ты себе это видишь? Списать и выбросить что ли? – спросила Светлана.

– Зачем же выбрасывать? Продать кому-нибудь или клиенту, какому-нибудь важному подарок сделать, – с умным видом пояснила Оксана.

– Ага, а учёт этих продаж и подарков как, по-твоему, без инвентаризации ..., – начала выходить из себя Светлана. Борис протянул ей красный степлер, спасённый из комнаты за стеклянной дверью. И тут же из этой комнаты раздался звонок телефона, Светлана излишне резко сорвалась со своего места, чтобы ответить на него.

– Слушай, принцесса, – обратился Борис к Оксане, – по-моему, тебя тут не ценят, и ты зря тратишь своё драгоценное время на этих неблагодарных людей. Увольняйся, ей богу, тебя с руками оторвут, и французский у тебя в совершенстве и интеллект. Увольняйся.

– Ах, уважаемый Борис, вы вот всего пять минут здесь, а уже всё правильно поняли. Я иногда подаю свое резюме, то туда, то сюда. Даже на собеседования хожу, просто, чтобы быть в форме, понимаете? Так вот меня зовут приличные компании, в этом вы правы. Но как же я Светлану Аркадьевну, один на один, со всем этим бардаком оставляю. У меня, видите ли, совесть есть. Пусть у меня зарплата не очень и времени не остаётся, даже загранпаспорт забрать некогда, но я отсюда так просто не уйду, пока порядок не наведу. Не могу я уволиться. Нет! – серьёзно, с ноткой трагизма, в голосе заключила Оксана.

Улыбающаяся длинноногая француженка – на голове «чистые волосы уже причёска» провела Светлану в просторный зал с наглухо задрапированными окнами в пол. Такие окна называют «французскими», эти окна были действительно французскими, поскольку вместе с залом, располагались в Париже. На полу, распространившись на всю ширь зала, красовался песчаного цвета ковёр с длинным ворсом. На ковре сидели, лежали и ползали по нему не менее десятка человек. Все они носили вязанные белые шарфы с красно-зелёным рисунком, и все кроме одного сидевшего в центре композиции месье, были без обуви.

– Доктор Пратт, это Светлана, нас Николая попросил её принять, помните? – обратилась секретарь к этому месье в начищенных лакированных ботинках. Доктор кивнул головой и растянул узкие губы в профессиональной улыбке.

– Наш выдающийся доктор Пратт, – гордо сказала секретарь. – Обувь вон там оставьте, пожалуйста. Проходите.

Светлана сняла сапоги. Подошла по пушистому ковру к месту, указанному повелевающей дланью доктора. Принялась примериваться, как бы лучше усесться. Проблема была в том, что Светлана пришла на приём к доктору Пратту в узкой юбке до колен. Не сразу, но у неё всё же получилось сесть так, чтобы натянуть юбку почти на все места, которые ей не хотелось продемонстрировать окружающим её незнакомым людям.

Присутствие Светланы в этом месте было странным рождественским подарком от Николая. Предполагалось, что сеанс у известного психоаналитика, специалиста по конфликтным ситуациям на работе, поможет ей преодолеть барьер перед увольнениями сотрудников.

Какое-то время на ковре ничего не происходило. Доктор сидел, словно погруженный в медитативное состояние. На его левом колене лежала белобрысая голова молоденькой девушки. О его правое предплечье терлась лбом женщина постарше. Другие женщины и мужчины в непринуждённых позах сидели и лежали вокруг – некоторые подёргивали конечностями, другие гладили ворс ковра. Грузный лысый мужчина ползал на четвереньках вокруг группы, каждый раз ломая ровный круг, когда ему приходилось обползать Светлану.

Все молчали. От нечего делать Светлана принялась разглядывать вязанные шарфы, в которые были закутаны участники странного сборища.

– Если Вы останетесь с нами, мы примем вас в члены нашего Братства – братства поддерживающих друг друга тружеников. Тогда вы тоже получите такой шарф, – доктор Пратт снял со своей груди шарф и развернул его так, чтобы Светлана смогла разглядеть, что на нем изображено. С обоих концов шарфа на Светлану взирали зелёными глазами пара красных оленей с ветвистыми рогами. Подняв одно копыто, они стояли на зелёных холмах. Светлана, почему-то вспомнила мультик про Серебряное копытце. Это воспоминание немного расслабило её.

– Очень красиво, – кивнула женщина.

– Итак, милые сёстры и братья, давайте начнём наше общение. Ты, ты и ты, – произнёс доктор десять раз и десять раз пристально посмотрел в десять пар глаз. Глаза Светланы были одиннадцатыми.

– Не одинок никто, всё наше братство уважающих себя тружеников с каждым из нас. Мы все поддержим и воздадим уважение тебе, тебе и тебе.

Светлане даже стало немного обидно, что доктор не посмотрел ей в глаза, тем самым не включив её в это своё братство уважаемых тружеников. Она вдруг захотела заполучить вязанный шарф с оленями и почувствовать тепло взаимного уважения вокруг своей шеи. К тому же в зале было прохладно. В особенности мерзли кончики пальцев в тонких колготках. Как было бы хорошо укрыть их тёплым шарфом.

– Братья, кто первым хочет рассказать нам как прошла его первая в этом году рабочая неделя? – спросил доктор.

– Я, я хочу, – ползун остановился рядом с доктором, сел и вытянул вперёд свои пухлые ноги в шерстяных носках, – Они всё же вызвали меня на свою долбанутую комиссию, вонючие выродки!

Светлана удивлённо посмотрела на доктора.

– Давайте объясним нашей новой претендентке в члены братства, что к чему. У нас разрешены любые ругательства и оскорбления, любые эмоциональные выплески. Наша цель расслабиться и сломать внутренний барьер, мешающий нам построить гармоничные отношения на работе, в коллективе. Чем обильней поток наших эмоций, тем эффективней наша практика.

– Извините, а Николая, он тоже член вашего братства? – поинтересовалась Светлана, уловив в объяснении доктора знакомый ей стиль поведения. – Он ваши принципы за пределы ковра распространяет, знаете, и совершенствует даже...

– Николай – мой племянник. Насколько я знаю, у него нет проблем в общении с коллегами, – сухо ответил доктор.

«У него с нами нет, а у нас с ним есть», – подумала Светлана, но ничего не сказала.

– И ещё одно, у нас под запретом имена. Тут вас будут звать эээ Зелёный свитер. Теперь вы должны ходить к нам в соответствующем предмете одежды.

Светлана промолчала, подавив вспыхнувшее желание встать и уйти. Однако ей не хотелось обижать Николая. Пусть по-своему, но он всё же позаботился о ней.

Доктор сделал едва заметное движение пальцем и полный мужчина (Светлана решила, что его должны звать Коричневый жилет), находившийся в положении «выключено», вдруг резко включился с момента прерывания. Последовала череда ругательств и оскорблений в адрес какой-то комиссии в целом, и каждого из её членов в отдельности. Как же всё-таки прошла первая рабочая неделя мужчины, Светлана не поняла.

Когда Коричневый жилет остановился, чтобы перевести дух, инициативу перехватила женщина, которая полулежала на боку, подперев голову рукой недалеко от Светланы.

– А ты что же думаешь, в квалификационных комиссиях, не люди что ли сидят? Если вам лень лишний раз грёбанный норматив прочитать, чтобы вас не дисквалифицировали и не уволили, то почему другие люди должны за вас отдуваться. Такие лентяи, как вы угрожают кого-нибудь из-за своей халатности, а если я допуск дам, то уволят-то меня!

– Да кого он может угробить, – вмешался в спор пожилой мужчина.

«Наверное, Желтая рубашка, – подумала Светлана. – Или белая, просто грязная».

– Он же в колл-центре магазина работает. Все эти драные комиссии создают только для того, чтобы нам на голову срать. А потом нормального человека взять и с работы выкинуть. Меня уже достало, каждая малолетняя тварь, так и норовит меня мордой куда-нибудь ткнуть, и ноги об меня вытереть. Это просто унижительно! Ну и что, что у меня руки трясутся, ну и что, что возраст? Да я с механизмами лучше, чем все они вместе взятые управляться могу. А они...

– Да, да эти ужасные люди специально унижают нас, – включилась в дискуссию, подняв свою белобрысую голову с правого колена доктора девица.

«Интересно, – подумала Светлана её Прозрачная блузка или Черный лифчик зовут?»

– Нас лишают самоуважения, нам не дают радоваться жизни, быть счастливыми. Над нами постоянно висит дамоклов меч увольнения! Нас заставляют вкалывать, ставят нам дурацкие сроки и контролируют наш внешний вид. Всё это чтобы подавить нашу личность, чтобы не давать нам радоваться жизни.

Все другие участники братства по очереди продолжили обливать оскорблениями своё начальство и работодателей. В основном труженики боялись быть уволенными. Те немногие, кто не боялся, уже были недавно уволены, а поэтому боялись не найти новых ненавистных работодателей. Светлана надеялась, что за живой искромётной дискуссией доктор не заметит

того, что она не высказалась, и всё как-нибудь обойдётся. Но через некоторое время очередь всё же дошла до Светланы.

Повелительным жестом доктор заставил замолчать членов братства, затем, очертив дугу, указующий палец уперся в Светлану.

– А теперь пусть выскажется Зелёный свитер. Выбрось наружу всё, что накопилось у тебя внутри. Не надо стесняться, смети барьеры, выдай эмоции, сломай условности! Ты сможешь преодолеть свою проблему! Взять быка профессиональных отношений за его офисные рога! Смелей!

Светлана усилием воли подавила очередной, гораздо более мощный порыв бежать из этого дурдома. Она осталась сидеть на месте, и теперь она точно знала, что чувствовала Жанна д'Арк перед судом инквизиции.

– Я, я, – заикаясь, проговорила Светлана, – испытываю проблемы... мне... я... имею в подчинении людей и мне нужно уволить их, потому что они не справляются с работой, а я не могу этого сделать.

Доли секунды оленьё братство молчало, не осознав сразу суть Светланиной проблемы. Поняв, все разом принялись орать на неё, считая свои барьеры и выдавая децибелы эмоций, словно, все вдруг разом увидели во плоти корень всех своих невзгод и тягот.

– Это всё ты, такие как ты... – кричал Коричневый жилет.

– Ты долбанная идиотка, а ты подумала об их детях! – орала женщина слева.

Белобрысая девушка обвила собой доктора и, рыдая на его плече, повторяла, что-то вроде: «Мерзкая мразь, мерзкая мразь». Мужчина в бело-жёлтой рубашке сделал резкий выпад в сторону Светланы, пытаясь в неё вцепиться. Поняв, что она больше совершенно не желает, не только получить, но и видеть шарф с оленями, Светлана вскочила на свои онемевшие и замёрзшие ноги, и бросилась бежать из офиса странного доктора на улицу, по дороге схватив свою обувь и одежду с вешалки.

– Господи, что вообще это было?

Светлана, застёгивая пальто, стояла на улице спиной к входной двери в офис доктора. Напротив, на углу, как-то очень уместно, располагался кинотеатр. Над его входам ярко светила большая афиша «Титаник».

Через два с половиной часа Светлана вышла из кинотеатра, вытирая слёзы куском бумажного полотенца. «Титаник», а за ним и герой Ди Каприо утонули. На душе была горечь, словно в её любимом виде спорта проиграла её любимая команда, на которую были поставлены последние деньги. Конечно, финал истории «Титаника» ни каким секретом не был – покупая билет, Светлана не рассчитывала увидеть историю счастливого спасения лайнера. Но как же жестоко судьба, точнее фантазия сценариста, обошлась с главными героями. Как было жалко замерзающего в полушаге от спасения юношу, как было обидно видеть тупость главной героини, лишившую её самой большой любви в жизни.

«Титаник», хоть и не был, на свою беду, ледоколом, всё же сумел расколоть смёрзшийся под тяжестью лет, устоявшийся образ мыслей Светланы. Каким-то образом, глядя на экран, у неё получилось увидеть реальное место её проблемы на шкале человеческих горестей.

То, чего так и не удалось сделать доктору Пратту, удалось «Титанику» – все барьеры вдруг оказались сметены, а эмоции выплеснуты. Светлана вздохнула, слёзы больше не текли, горечь начала уходить. Она стёрла последним сухим краешком бумажного полотенца последнюю каплю с лица, высморкалась, достала из сумочки телефон, и набрала номер.

– Оксана, добрый вечер. Ты уволена. В понедельник я буду в Москве, приходи за расчётом.

Бронзовая собака

1. Кража

Алисия повисла на Верином плече. Хаотично перебирая ногами, обутыми в сапоги благородного коричневого цвета, она старалась обрести равновесие – без Вериного плеча это не получалось. Алисия лишь дёргалась и соскальзывала, тщетно пытаясь устоять на ногах.

Ситуацию спасало то, что Вера весила на десять килограмм больше и была на голову выше трепыхающейся на её плече Алисии. Благодаря этому невольные попытки спутницы нарушить равновесие их медленного поступательного движения по скользкому мартовскому тротуару были обречены на провал.

Вера взглянула на модные Алисины сапоги. Они были хороши: насыщенный оттенок кожи, изящный каблук, высокое узкое голенище, но они совершенно не годились для передвижения по ледяным, узким и бугристым тротуарам в центре Москвы. Сапоги были частью коллекции одежды, которую Алисия – изящная темноволосая испанка – должна была представлять на выставке в Москве.

Был 2005 год. Согласно календарю весна уже началась. В Лакорунье, родном городе Алисии, где её ждала маленькая дочка, весна наступила. До Москвы весна пока не добралась – было холодно, скользко и сумрачно.

Вера вздохнула, она жалела Алисию. У испанки всё не заладилось с самого прибытия в Москву. В аэропорту она не смогла отыскать свой чемодан – среди багажа его не оказалось. Из Мадрида его ошибочно отправили в какое-то другое место, наверное, более приветливое, чем промозглая мартовская Москва. Из вещей при Алисии осталась только дамская сумочка.

Но на следующий день украли и её. Украли прямо со стенда, когда участники выставки распаковывали коробки с образцами. Там, в сумке, было всё: паспорт, билет, деньги, кредитные карты, и два телефона. Вера корила себя – ещё утром она заметила, что Алисия сегодня рассеянная и грустная – не надо было надеяться на неё, стоило самой запереть её сумку в подсобке.

– Алиса, не дергайся. Возьмись покрепче и постарайся не наступать на вершины этих ледяных холмиков, тогда нога не будет с них скатываться. Надо постараться сохранить равновесие, поэтому нельзя делать резких движений. Понимаешь меня? – глядя в отрешённое лицо Алисии, Вера в этом засомневалась. – Ты лучше ноги совсем не отрывай от земли. Не шагай, а скользи, как на лыжах, и за меня держись крепче.

– Да, Вера, – послушно ответила Алисия. – Я просто не хотела, чтобы тебе было тяжело.

– Мне будет тяжело, если ты упадёшь, – сказала Вера. – Потому что тогда тебя надо будет везти в больницу. А ты же видела, какие у нас пробки?

Вера попыталась пошутить, но взглянув на Алису, увидела, что та всхлипывает и втирает в щеки слёзы перчаткой благородного коричневого цвета в тон к сапогам.

– Я не хочу в больницу, – сказала Алисия, – Я хочу домой, там Кристина. Я соскучилась. Они украли её фотографии.

– Новые сделаешь. Не плачь. Сейчас билет восстановим. Дошли уже. А в воскресенье домой полетишь. Ничего же страшного не случилось, нет причин посреди улицы рыдать. А здесь вообще плакать категорически нельзя.

Алисия затравленно оглянулась, прижимая руку в перчатке к красному носу.

– Почему нельзя?

Вера с облегчением схватилась свободной левой рукой за перила перед входом в офис Аэрофлота и подтянула на ступеньку их общий с Алисией вес.

– Арестуют, – опять попыталась пошутить Вера. И опять не вышло – в глазах Алисии блеснули слёзы.

Внутри помещения Вера усадила спутницу на один из кожаных диванчиков, уточнила за кем они. На диванчиках сидело ещё человек пять.

– Алиса заканчивай это, никто тебя не арестует. Плакать нельзя, потому что там холодно, щёки обветришь, пойдут красными пятнами. И глаза опухнут, а нам ещё на выставку возвращаться.

– Там фотографии были. Самые первые её фотографии. Муж на мой телефон её в больнице снимал, когда она родилась. Она там такая маленькая, такая... – Алисия всхлипнула.

Люди вокруг начали коситься. Но никто не повернулся, видимо, не желая демонстрировать неуместное любопытство. Да и ничего интересного не происходило – иностранка потеряла билет, расстроилась, пришла восстанавливать его в центральный офис Аэрофлота.

– Такая хорошенькая, – продолжала скулить Алиса. – Алехандро на неё смотрит и он, он такой счастливый. Мы хотели альбом заказать, но всё откладывали и откладывали. А теперь их больше не будет. Как же так? Что же делать? Кристи вырастет и не увидит их.

Вера протянула Алисии пачку бумажных платков. Подумала: «Федорино горе. Дочь не увидит своих фотографий из роддома, какая душевная травма для ребёнка». Вере вдруг захотелось рассказать Алисии о своём Алехандро, то есть Алексее, о Лёхе, как его называли друзья, до развода бывшие их общими, а теперь ставшие для Веры бывшими.

Алексей и Вера поженились очень молодыми людьми. За годы семейной жизни было всё – от любви «до гроба» до предательств и разочарования. Всё, кроме самой семьи. Её построить так и не получилось, вместо этого вышло что-то вроде общества единомышленников. Идея общества, как понимала её Вера, была очень проста, и состояла в том, что каждый из них являлся всем на свете для другого. Общество обанкротилось на четырнадцатый год своего существования, когда окончательно выяснилось, что Алексей разделяет эту идею лишь частично. То есть он для Веры – да – должен был оставаться «всем на свете», а вот его собственный «свет» начал наполняться другими людьми, преимущественно женщинами.

Теперь Вере исполнялось тридцать три. Посторонние мужчины обычно думали, что ей нет и тридцати. Пожилые женщины полагали, что она старше своих лет. Девушкам было плевать не её возраст, а ровесницы, те, конечно, не ошибались. Вера была светловолосой и сероглазой. Она могла бы позировать для скульптуры девушки с веслом, из тех, что стояли в парках советской поры.

С развода прошёл почти год. В это время Алексей, которого Вера знала почти всю взрослую жизнь, раскрылся с совершенно неожиданной стороны – он выставил бывшую жену на улицу из её же собственной квартиры. Жилплощадь была куплена Вериним отцом в подарок на свадьбу, и из наивного благодушия оформлена на зятя, ещё до даты их официального бракосочетания. Но ничего Вера Алисии рассказывать не стала (кому это интересно?) и не расплакалась, хотя ей вдруг очень захотелось.

– Алиса, ну успокойся, пожалуйста, никто ведь не умер, не заболел, и война не началась, – повторяла Вера обычное своё заклинание для улучшения настроения. Оно подействовало. Алисия перестала плакать и начала озираться по сторонам.

Крупная женщина с платиновыми волосами, взбитыми в высокую причёску, появилась в проёме входной двери. Одета женщина была в пушистую шубу, которая делала хозяйку ещё крупнее. Не останавливаясь и не обращая внимания на людей на диванах, женщина направилась к только что освободившемуся сотруднику офиса.

– Вообще-то тут очередь, уважаемая, – с металлом в голосе сообщила ей Вера.

Женщина огляделась с таким видом, как будто только что проснулась, прямо здесь, в офисе Аэрофлота, но узнать это мерзкое место не смогла.

– Вы за нами будете, а все эти люди здесь – впереди нас, к сожалению, – сообщила Вера.

– Я насчёт бонусной карты, – женщина попыталась испепелить Веру взглядом. – Насчет бонусной карты – без очереди! – заверила женщина, в её голосе сквозила угроза.

– Уважаемая, мы тут все насчёт бонусной карты. Нам всем – без очереди. Тут, видите ли, очередь из тех, кому без очереди. Не расстраивайтесь, очередь быстро идёт, – поддержал Веру пожилой мужчина с соседнего диванчика.

Женщина в шубе попыталась испепелить и его. Он твёрдо перенёс тяжёлый взгляд, даже улыбнулся ей и изящным жестом указал на свободное место на одном из диванчиков. Женщина резко развернулась на прогнувшихся под её весом тонких высоких шпильках и, обдав окружающих изморозью со своей шубы, устремилась наружу, громко хлопнув дверью.

Алисия перестала плакать. Она не говорила по-русски, поэтому не поняла, что произошло. Она словно замороженная смотрела на высоченные шпильки остроносых сапог женщины. А после того, как та удалилась, попробовала рассмотреть тротуар сквозь стекло витрины – ничего не изменилось, тротуар оставался таким же скользким и бугристым. И по нему размашистой походкой уверенно шагала женщина на шпильках.

– Как она это делает? – спросила Алисия. Вера пожала плечами.

2. Метро

Алисия приехала в Москву во второй раз в жизни. Двое других испанцев, которые её сопровождали, уже много раз бывали здесь. Им здесь понравилось всё, кроме еды. Но еде в свои тридцать лет парни большого значения не предавали. Главное, чтобы съеденное можно было запить кока-колой. Поэтому, можно сказать, что им понравилось всё, на что они действительно обратили внимание. А именно: обилие привлекательных девушек, веселье модных вечеринок, которые проводили организаторы выставки (для участников выставки – бесплатно), кроме того, их впечатлили просторы московских проспектов, величие сталинского ампира и, конечно, метро.

Вера, которая была представителем фирмы в Москве, сопровождала испанцев повсюду. Чтобы не стоять в бесконечных будничных пробках, она сразу начала приучать подопечных к метро. Для начала устроила им экскурсию по метрополитену с профессиональным гидом. Анфилада подземных дворцов, украшенных то каменным кружевом растительных орнаментов, то мозаичными картинками или картинами, созданными самой природой внутри мраморных глыб, а затем умело извлечёнными человеческими руками, в финале привела их в великолепный вестибюль станции «Комсомольская». Даже Вера, прожившая всю свою жизнь в Москве, была впечатлена тем, на что она смотрела много раз и никогда не видела по-настоящему. Испанцы же были в восторге. Экскурсия явно удалась и окончилась симпатичным обедом в дорогом кафе Пушкинъ за счёт испанской фирмы. В конце концов, парни к метро привыкли, и охотно им пользовались.

С Алисией дело обстояло по-другому – её метро пугало. Она испытывала под землёй клаустрофобию, её мучил запах креозота, утомлял шум поездов, а толпа вокруг, в сочетании с необходимостью постоянно отслеживать изменения в окружающем её пространстве, вводила в депрессию.

Но сегодня Вера настояла на поездке на метро. Алисии пришлось согласиться, потому что так действительно было быстрее. Пятница – самый загруженный автомобильными пробками день. А в эту пятницу требовалось оказаться в двух местах одновременно: на выставке, и здесь, в офисе Аэрофлота. Кроме этого до воскресенья предстояло забрать в Консульстве новый паспорт, потом ехать восстанавливать российскую визу, ещё где-то блуждал чемодан, и его судьбу тоже надо было выяснить. Но главное – Алисии надо было работать на выставке, ради этого она и приехала в Москву. Она отвечала за продажи женской коллекции. Двое других испанцев, конечно, помогали ей, но их заботой была коллекция мужская.

3. Выставка

Когда Вера и Алисия вернулись на выставку, работа на стенде кипела. Трое клиентов сидели за столом, им переводила Надя, специально нанятый для выставки переводчик, она была четвёртой. Испанцы суетились вокруг. На одном из них был песочного цвета замшевый пиджак из новой коллекции, парень, неуклюже растопырив руки, демонстрировал его клиентам, одновременно пытался осмотреть себя, прижимая подбородок к шее.

Поздоровавшись со всеми присутствующими, Алисия и Вера повесили в маленькую подсобку верхнюю одежду и устроились за вторым столиком в той, части стенда, где была представлена женская коллекция. Действие, происходящее за соседним столом, со стороны напоминало торговлю, причём клиенты – сотрудники одной компании – торговались друг с другом. Испанцы стояли вокруг стола, в каждой руке у них было по вешалке с ветровками. Надя то и дело принималась писать под диктовку кого-нибудь из заказчиков, но только для того, чтобы тут же начать зачёркивать написанное, по указке другого.

Пронзительно заверещал телефон, Вера ответила на звонок. Алисия, которая немного повеселела, глядя на соседний стол, перестала улыбаться, и уставилась на Верин мобильник. Модель была такая же, как у одного из украденных телефонов Алисии, как раз того, на котором были фотографии новорождённой дочери. Алисия вздохнула и уткнулась взглядом в кисти своих рук.

– Алиса, заканчивай. Это уже и так затянулось. Денег там было пятьдесят евро, кредитки ты заблокировала, телефон и фотоаппарат были корпоративные, билет мы восстановили, за паспортом завтра поедем. Так, что чистый убыток полтинник, помада, старый телефон и успокоительные таблетки, так?

– Да. Но там фотографии Кристины, я говорила. Их я восстановить не смогу и мне их очень очень жалко.

– Знаешь, – вздохнула Вера с едва заметным раздражением, – если бы я переживала, как ты, обо всём что у меня украли и чего я не восстановлю, я в дурдоме была бы уже.

Алисия грустно посмотрела на Веру.

– На самом деле, всё сложнее, чем кажется. Понимаешь, мы с Алехандро поженились именно из-за детей. Мы очень хотели детей. И он, и я. Но шесть лет не получалось ничего и непонятно было почему. До сих пор непонятно. Мы здоровы оба, но пришлось к врачам идти. Год примерно не получалось даже со всеми этими процедурами. А потом я забеременела. Когда я поняла, что да, что всё будет, это для меня была минута наибольшего в моей жизни счастья. Я думала, что счастливей в этом мире быть нельзя. Но потом оказалось, что можно, когда её после родов мне на грудь положили. Это было счастье абсолютное, наверное, так бывает в Раю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.